

**ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ НАУКА?
ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ И ИУДАИКА В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД**

Ключевые слова: СССР, иудаика, еврейская эмиграция, правозащитное движение, история этнографии, история науки, перестройка

После долгих лет фактического запрета иудаики в СССР в 1982 г. была организована Еврейская историко-этнографическая комиссия (ЕИЭК). Ее создание было смелым предприятием, тем более что некоторые из ее членов подали заявление на эмиграцию в Израиль и принимали участие в независимом еврейском движении. Однако другие основатели комиссии были уважаемыми сотрудниками Института этнографии АН СССР, которые работали в нем над иной этнографической тематикой. В том же году ЕИЭК удалось открыть рубрику “Еврейская этнография” в журнале “Советиш геймланд”, задачей которого было служить инструментом советской “мягкой силы”, демонстрируя либеральное отношение СССР к евреям. Несмотря на недоверие и надзор со стороны государства, члены ЕИЭК, участвовавшие в еврейском движении, использовали официальные государственные структуры, чтобы получить доступ к библиотекам и архивным материалам, касающимся евреев, и чтобы проводить полевые исследования в отдаленных местностях Советского Союза. Таким образом, ЕИЭК одновременно служила платформой для обмена знаниями и отправной точкой карьеры для части будущих профессиональных иудаистов.

Какое место занимали иудаистические исследования в позднесоветский период? С этим вопросом столкнулись в равной степени как еврейские ученые, так и представители независимого еврейского движения, стремившиеся изучить историю и образ жизни различных иудейских групп СССР. Итогом антисемитских кампаний позднего сталинизма стал закат иудаики, расцвет которой пришелся на начало XX в. (Veidlinger 2016; Куновецкий 2017). Ее бывшие представители либо стали жертвами различных волн государственного террора в Советском Союзе, либо не пережили Холокост. Лишь немногие из них после смерти Сталина в 1953 г. все еще занимались научной деятельностью, однако уже не иудаикой.

Только в условиях “оттепели” с середины 1950-х годов снова стали возможны иудаистические исследования, тем не менее они были ограничены античной и средневековой историей или направлены на изучение лингвистических вопросов. Недавняя же история евреев (особенно касающаяся их положения в Российской империи на последнем этапе ее существования и в Советском Союзе) оставалась под запретом в советских исследовательских институтах.

После Шестидневной войны 1967 г. между Израилем и соседними арабскими странами советский государственный и партийный аппарат породил совсем дру-

Ульрике Хун | <http://orcid.org/0000-0003-1752-4073> | ulrike.huhn@uni-bremen.de | к.и.н., научная сотрудница Института истории Бременского университета | (University of Bremen, Klagenfurter Str. 8, 28359 Bremen, Germany)

гую — “официально-пропагандистскую” (Чарный 2004: 133) — ветвь иудаики. Некоторые ее представители были непосредственно связаны с партийной системой, а идеологической базой их исследований стала конфронтация с Израилем. Иногда их публикации носили откровенно антисемитский характер (Иванов 1969).

За пределами академий и университетов вопросами поздней еврейской истории и этнографии начали заниматься представители независимого еврейского движения, сложившегося в конце 1960-х годов, его целью было добиться права на выезд в Израиль. Небольшие неофициальные кружки, примыкавшие к движению (преимущественно в Москве и Ленинграде), сформировали третье исследовательское направление помимо “официальной” тематически ограниченной академической иудаики и идеологизированной “пропагандистской” конфронтации с Израилем. Однако эти объединения страдали от нехватки ресурсов и возможностей (Чарный 2004: 133–136; Крупник 1992: 29).

В этой “пустыне” (согласно ретроспективному описанию одного из членов — учредителей комиссии Игоря Крупника; см.: Крупник 1992: 28) в начале 80-х годов XX в. небольшая группа энтузиастов сумела создать если не цветущий оазис, то по меньшей мере зеленый островок — Еврейскую историко-этнографическую комиссию (ЕИЭК). Ее основание в 1982 г. в Москве было смелым предприятием. Тем не менее, несмотря на сложные условия, инициаторам создания ЕИЭК удалось объединить ученых из разных институтов и исследовательских групп (которые до этого практически не имели связей друг с другом) в единую сеть, просуществовавшую вплоть до конца 1980-х годов. Своим названием основатели ЕИЭК сознательно связывали себя с дореволюционным Еврейским историко-этнографическим обществом в Санкт-Петербурге, с его наследием и целями. Как и их предшественники, они стремились создать научно обоснованную и в то же время публичную и доступную для всех иудаику.

Инициаторами учреждения/организации комиссии стали Михаил Членов, Игорь Крупник и другие известные этнологи Академии наук, которые в то время занимались совершенно сторонними темами. Прочие сподвижники ЕИЭК, уже подав запрос о выезде из Советского Союза в Израиль, часто годами жили в неопределенном статусе “отказников” и подвергались различным притеснениям (von Saal 2014: 151; Beckerman 2010). В конце 1981 г. руководителям ЕИЭК удалось договориться с единственным идишским периодическим изданием Советского Союза “Советиш геймланд” (“Советская родина”) об открытии в журнале отдельной рубрики “Еврейская этнография”, а летом 1982 г. уже появились первые статьи (Chlenov 1982; Krupnik 1982). В то же время как авторы журнала они получили необходимые официальные рекомендательные письма для исследовательской работы в музеях и архивах.

“Советиш геймланд” был литературным журналом и поэтому издавался под эгидой Союза писателей СССР. Созданный в 1961 г. в период советской “оттепели”, он должен был демонстрировать западным странам якобы либеральную национальную политику Советского Союза; но уже с 1969 г. журнал преимущественно выступал против Израиля, обличая его как марионетку США (Estraikh 2004). Редакторы “Советиш геймланд” принадлежали к поколению, которое несло на себе отпечаток государственных антисемитских репрессий и “борьбы с космополитизмом” послевоенного времени. Поэтому, несмотря на пропагандистские ожидания, возлагаемые на журнал, они видели в нем прежде всего место для обсуждения еврейской тематики. Необходимость балансировать между возможностью публикации и вынужденными уступками власти особым образом осознавалась этим поколением. Так, Арон Вергелис (1918–1999), бессменный главный редактор журнала на протяжении 30 лет его существования, одновременно выступал и в роли редактора, и в роли цензора, в силу нишевого положения идиша в Советском Союзе (Estraikh 2008: 82; Kupovetsky 2007).

Независимое еврейское движение, стремившееся добиться права на выезд в Израиль, являлось также выразителем интересов нового поколения, которое, поддерживая открытость, протестовало против молчания и уступок своих предшественников. Поэтому сотрудничество редакторов “Советиш геймланд” с деятелями независимого еврейского движения не было само собой разумеющимся и требовало определенной смелости. Однако эта смелость, проявлявшаяся в том, чтобы отважиться на что-то новое, была необходимым условием существования и работы Еврейской историко-этнографической комиссии, действовавшей на стыке независимого еврейского движения, Союза писателей СССР и научных учреждений. Ее члены встречались на “квартирных” семинарах, зачастую под наблюдением КГБ. Но благодаря журналу “Советиш геймланд”, а также Академии наук они могли использовать в своих целях некоторые государственные структуры.

Многие представители еврейского независимого движения воспринимали свою деятельность в защиту свободного передвижения и выражения еврейской идентичности в категориях “репрессивное государство против инакомыслия/оппозиции”. Эти же категории определяют и состояние исследований истории иудаики в СССР: ЕИЭК и, более того, развитие иудаистических исследований в позднесоветский период до сих пор почти всецело описывались самими участниками событий — как в интервью и воспоминаниях, так и в подробных изложениях событий (*Mochalova* 2011: 121; *Kosharovsky* 2017: 293–295; *Зеленина* 2015; *Крупник* 2017). Поэтому неудивительно, что в этих источниках доминирующим нарративом является повествование о противостоянии остроумного Давида “всемогущему”, но глупому Голиафу.

Однако история Еврейской этнографической комиссии показывает, что, как и в другие периоды развития позднесоветского общества, простор для действий в годы позднего социализма (помимо перформативного, но бессодержательного согласия, с одной стороны, и радикально-диссидентского отрицания, с другой) можно было расширить, учитывая внутреннюю логику и интересы государственных учреждений и согласуя их интересы со своими (*Yurchak* 2006; критику см.: *Nathans, Platt* 2011). Именно этим путем и пошли участвовавшие в работе ЕИЭК: они сделали упор на объединяющие моменты, а не на расхождения в интересах, что позволило сформировать неожиданные союзы и расширить существующие возможности.

Сложность подготовки этой статьи состояла в том, что деятельность сторонников независимого еврейского движения сегодня хорошо освещена и обсуждается более активно, чем деятельность представителей государственных инстанций того времени (*Nathans* 2015). Статья основана как на опубликованных другими, так и на проведенных автором осенью 2017 г. в Москве интервью, а также на изданных и неопубликованных материалах ЕИЭК из архива “Федерации еврейских организаций и общин России, Ваад” (Москва). Архив редакции “Советиш геймланд”, к сожалению, утерян¹. Члены редакции, непосредственно сотрудничавшие с комиссией, уже умерли; наследие Вергелиса сохранилось только частично. Доступны материалы архивов Российской академии наук (РАН) и Института этнологии и антропологии (ИЭА РАН), что позволяет провести анализ институциональных логик научно-исследовательского центра.

Крушение надежд: сорванный симпозиум 1976 г.

Ни одно странствие по пустыне не обходится без визионерствующего и одновременно неоднозначного пророка. Вдохновителем и организатором сложной сети, в которой существовала Еврейская историко-этнографическая комиссия, стал кандидат исторических наук, этнограф Михаил Членов (род. 1940 г.), работавший в Институте этнографии АН СССР с 1965 г. Членов, происходивший из интеллигентной московской семьи (его дед был редактором литературного журнала “Новый мир”

в 1930-х годах), владел несколькими иностранными языками и имел опыт жизни за границей. В детстве он в течение двух лет жил с отцом в советской оккупационной зоне Германии, где занимался немецким языком, а в школьные годы самостоятельно в Московской государственной библиотеке выучил голландский. Таким образом, несмотря на запись “еврей” в графе “национальность” в паспорте, в 1958 г. он смог поступить в Институт стран Азии и Африки МГУ, где выбрал специализацией Индонезию (хотя и в то время такая отметка могла стать помехой для поступления в престижный вуз, все же это было возможно). Однако более молодые члены комиссии оказались в другой ситуации. Их студенческие годы пришлось на конец 1960-х — 1970-е годы — период обострения советско-израильских отношений после Шестидневной войны и антиизраильской пропаганды в Советском Союзе. Обучение в престижных академических учреждениях в это время стало для них практически недоступным; зачастую единственной возможностью получения еврейской молодежи высшего образования были педагогические институты². Для способного к языкам Членова, напротив, пути были открыты: благодаря превосходному знанию индонезийского он, будучи еще студентом, в начале 1960-х годов работал переводчиком с группами индонезийских коммунистов в Московской высшей партийной школе, а в 1963 г. был направлен переводчиком в Индонезию. Возвращение в “затхлую” Москву в 1965 г. спустя год после отставки Хрущева и окончания периода “оттепели”, разочарование в советской позиции в отношении Израиля, подавление “Пражской весны” 1968 г. — все это привело Членова в круги еврейского и правозащитного движения, сложившегося после Хельсинкского совещания. Выучив самостоятельно иврит, с 1972 г. он преподавал его в самоорганизовавшемся ульпане³ на семинарах для желающих эмигрировать, однако сам по личным причинам не подавал ходатайство на право выезда (Кошаровский б.г.; Членов 2015: 76).

Студенты, изучавшие язык, принадлежали к двум разным потокам еврейского правозащитного движения и движения за право выезда: “политикам” и “культурникам”. В то время как одни (“политики”) отстаивали свое право свободного передвижения (а вместе с ним и право на выезд из Советского Союза), другие (“культурники”) старались сохранить или возродить еврейскую культуру и идентичность. Учеником Членова с начала 1970-х годов был и один из главных деятелей еврейского движения Анатолий (Натан) Щаранский (род. 1948 г.), который также был связан с правозащитным движением, в частности с Московской хельсинкской группой, основанной в 1976 г. (Beckerman 2010: 311–344; Shcharansky 1998: 49).

Количество евреев, подавших документы на выезд в Израиль, значительно увеличилось после Шестидневной войны и — особенно — после Заключительного акта Хельсинкского совещания 1975 г., когда советское правительство взяло на себя обязательство соблюдать гражданские права (включая право на свободное передвижение). Стратегии политического крыла эмиграционного движения на этом этапе включали организацию митингов в присутствии западных журналистов и демонстрацию плакатов с различными требованиями. Как правило, такие акции длились несколько минут, прежде чем их руководителей ловили и задерживали на 15 суток за “нарушение общественного порядка” (Beckerman 2010: 315). Самого Членова, однако, все больше отталкивали “бесконечная беготня по митингам и демонстрациям” и “бездумный, неаналитический антисоветизм” (Кошаровский б.г.).

Болезненным моментом для Членова и других активистов еврейского движения за выезд стало осознание того, что значительная часть уезжающих иммигрировала не в Израиль, а в США или Канаду. “Политики” восприняли это отречение от Израиля в первую очередь как оскорбление и предательство их деятельности. Понимание того, что “алия”⁴ в Израиль не была решением всех проблем еврейской идентичности, а многие выехавшие оказывались в других странах в поисках лучшей жизни, заставило членов движения уделить больше внимания самообразованию

советских евреев (*Кошаровский* б.г.; *Beckerman* 2010: 336). Михаил Членов, который своим курсом иврита готовил потенциальных мигрантов к жизни в Израиле, также пришел к выводу, что нужно что-то делать и для тех, кто по каким-то причинам оставался в стране. Согласно его ретроспективному выводу, нужно было расширить сферу возможностей и “не бороться с советской властью, а пытаться с ней договариваться” (*Кошаровский* б.г.).

Эту идею Членов представил на одном из “квартирных” семинаров в декабре 1975 г. В свете государственных ограничительных положений о выезде из страны он высказал мысль, что в обозримом будущем в Советском Союзе останется значительное количество евреев и что уехавшие и оставшиеся не должны конфликтовать друг с другом. Вместо этого стоит “готовить условия для будущей алии” (*Членов* 2007: 63) в Советском Союзе, улучшив условия жизни евреев и расширив круг возможностей для развития еврейской идентичности, — начиная с публикаций о евреях на русском языке и заканчивая популяризацией иудаистических исследований. Даже “самое невероятное требование, — оптимистично отмечал Членов, — может стать реальным, если достаточно долго его повторять” (*Членов* 2007: 65).

Попыткой наладить взаимопонимание внутри еврейского движения и вступить в диалог с государством явился симпозиум “Еврейская культура в СССР. Состояние. Перспективы”, запланированный на декабрь 1976 г. Предполагалось, что он станет поворотным моментом в развитии иудаистических исследований в Советском Союзе. Спланированный “культурниками” еще в атмосфере Хельсинкского соглашения, он должен был объединить государственных деятелей, независимое еврейское движение, а также западных ученых (*Beckerman* 2010: 337–339). Идея этого проекта возникла на “квартирном” семинаре Феликса Канделя, на котором присутствовали как “политики”, так и “культурники” и в котором принимал участие Членов. Вскоре он присоединился к “оргкомитету”, занимавшемуся подготовкой симпозиума. Однако, чтобы не рисковать своим профессиональным положением, Членов попросил не указывать его официально в списках организаторов и представил доклад под псевдонимом (*Хроника* 1978: 6⁵; см. также: *Оргкомитет* 1978; *Кошаровский* б.г.).

Опасения были оправданны. Подготовка к симпозиуму, начавшаяся в марте 1976 г., напоминала своеобразный эквилибристический номер: с одной стороны, организаторы стремились привлечь к участию в нем представителей руководства страны, с другой — старались обезопасить себя, памятуя о государственных репрессиях (срыв симпозиума впоследствии подтвердил эти опасения). Еще на начальном этапе подготовки прошли обыски в домах главных организаторов с целью обнаружения материалов симпозиума. Это свидетельствовало о том, что диалог не входил в планы государственных структур. Тем не менее организаторы продолжали придерживаться стратегии “игры с открытыми картами” и не уходили в конспиративное подполье. Это полностью соответствовало убежденности участников советского правозащитного движения в том, что прозрачность (гласность) — не только цель и требование, она должна практиковаться ими самими так, как если бы Советский Союз был правовым государством (*Eichwede* 2010: 81; *Nathans* 2015: 603). В связи с этим председатель оргкомитета Вениамин Файн за месяц до начала симпозиума отметил на пресс-конференции, что “вся подготовка к Симпозиуму проходила не только в полном соответствии с духом и буквой Хельсинкского Соглашения <...>, но также находится в полном соответствии с советскими законами” (*Хроника* 1978: 7). В “Белой книге о симпозиуме”, опубликованной за рубежом после его срыва (“тамиздат”), авторы скрупулезно зафиксировали, какие государственные органы были приглашены организаторами. Среди них были ЦК КПСС, министерства образования и культуры, Совет по делам религии при Совете Министров СССР, а также журнал “Советиш геймланд” и председатели секции “Национальная литература” Союза писателей (*Адреса* 1978; *Выдержки* 1978).

Тем не менее все усилия по налаживанию диалога свелись к нулю. С конца ноября 1976 г., т.е. за четыре недели до запланированной даты, начались вызовы организаторов в КГБ и обыски в их домах. Информационное агентство ТАСС сообщало, что конфискованные документы доказывают стремление организаторов к “разжиганию национальной розни в Советском Союзе” и их связи с “сионистскими центрами” (Хроника 1978: 9). За несколько дней до начала симпозиума за всеми членами оргкомитета было установлено постоянное наблюдение, закончившееся домашним арестом; их телефоны были отключены. Иногородним участникам был запрещен выезд в Москву, а иностранным гостям было отказано в визе. В первый день запланированного симпозиума, 24 декабря 1976 г., вместо ожидавшихся 77 докладчиков пришло лишь небольшое число слушателей — еврейских активистов, а также несколько иностранных корреспондентов. Вместо того чтобы обсуждать доклады, немногие присутствующие составили ноту протеста в ЦК КПСС (Хроника 1978: 8–14; *Beckerman* 2010: 338). Тем не менее некоторые доклады удалось зачитать, и это стало небольшой победой: хотя здание находилось под наблюдением милиции, симпозиум все же можно было считать состоявшимся (*Beckerman* 2010: 339).

Несмотря на то что сорванный симпозиум не оправдал надежд на диалог с государственным аппаратом, он обозначил различные стратегии и убеждения, которые спустя пять лет легли в основу Еврейской историко-этнографической комиссии. К их числу можно отнести и признание того, что обмен научными знаниями не может происходить в условиях подозрительных “квартирных” семинаров, для этого нужно легальное общественное пространство под официальным покровительством.

Выход из тени: от Географического общества до Еврейской историко-этнографической комиссии

Инициатива организации симпозиума 1976 г. исходила от представителей еврейского движения за выезд, а пять лет спустя, в конце 1981 г., в академических кругах зародилась Еврейская историко-этнографическая комиссия. Разумеется, в ней состояли и участники (прежде всего Членов) еврейского независимого движения, однако “закрепление” ЕЭИК в официальных научных структурах было главным условием ее существования (Членов 2015: 77).

Отправной точкой формирования ЕЭИК стал цикл лекций Географического общества СССР под названием “География и культура этнографических групп татар в СССР”. Лекции читали ученые из Института этнографии в период с 1980 по 1982 г. Сотрудники института были представлены в Географическом обществе собственной этнографической комиссией, работу которой с конца 1960-х годов координировал Членов (Членов 2015: 77). Ему помогал его младший коллега Игорь Крупник (род. 1951 г.), который видел в этом возможность поднять еврейские вопросы (Членов 2015: 77; см. также ПМА: интервью с М. Куповецким, 11.09.2017).

Тема татар, прежде всего крымских, была щекотливой в связи с их массовой депортацией в Центральную Азию в мае 1944 г. и с требованиями о возвращении на историческую родину; эти требования с конца 1960-х годов определяли одно из важных направлений деятельности правозащитного движения (*Uehling* 2004). Среди тем лекций нашлось место и для крымчаков — проживающей в Крыму тюркоязычной этнической группы, исповедующей иудаизм (*Blady* 2000: 115–130). В 1980 г. через частные каналы Членов и Крупник установили связь с Марком Куповецким (род. 1955 г.), который тогда уже находился в “отказе”. Куповецкий помимо своей официальной работы занимался иудаикой. Из института (МЭСИ) он был отчислен после того, как его заявка на выезд в Израиль была отклонена (Куповецкий 2015: 204). Вместе с Крупником Куповецкий подготовил лекцию по тюркоязычным еврейским меньшинствам. Велвл Чернин (род. 1958 г.), впоследствии ставший одним из видных деятелей ЕЭИК

и посредником между комиссией и журналом “Советиш геймланд”, тоже посвятил свою лекцию крымчакам и их языку. Тексты выступлений были изданы в серии публикаций Московского филиала Географического общества СССР и, несмотря на небольшой тираж в 500 экземпляров, попали за границу (*Куповецкий* 1983; *Чернин* 1983).

Этот цикл лекций в Географическом обществе СССР, вспоминает Куповецкий, собрал представителей самых разных дисциплин, которые, согласно логике прочих государственных академических структур, просто не могли бы встретиться. Такую открытость можно объяснить тем, что Географическое общество, уходящее своими корнями к царской эпохе, не было государственным учреждением и избежало сталинской централизации советской науки. В то же время нехарактерная для советского периода междисциплинарность открывала дорогу темам, которые не могли быть подняты в других академических условиях.

Эта пестрая смесь разных людей в кругу Московского отделения Географического общества должна была стать основой для Еврейской историко-этнографической комиссии. Чернин, пользующийся доверием Вергелиса как переводчик с идиша в “Советиш геймланд”, предложил ему летом 1981 г. сотрудничество с видными учеными из Института этнографии АН. Удивительным образом, как позднее отметил Крупник, Вергелис согласился работать с не знакомыми ему близко, к тому же не говорящими на идише будущими авторами. Очевидно, он не знал об их связях с независимым еврейским движением и считал их благодаря занимаемым ими должностям в Академии наук “политически благонадежными”; в любом случае позже он мог бы утверждать, что познакомился с ними именно в таком качестве⁶. В то же время Вергелис как главный редактор стремился омолодить свои кадры. Ему удалось организовать при Литературном институте им. Горького в 1981 г. специальный курс идиша, на котором, в частности, обучался Велвл Чернин (*Estraiikh* 2008: 134). Такое расположение Вергелиса к молодым этнологам следует также рассматривать как попытку пополнить новых авторов и, следовательно, читателей.

Осенью 1981 г. состоялась первая встреча Вергелиса и других редакторов журнала с будущими членами ЕЭИК. Крупник вспоминает о неожиданно быстром и предоставляющем большой простор для действий соглашении. В результате ученые получили в пользование помещение для рабочих встреч, а также возможность приглашать слушателей на лекции в редакцию, печатать свои тексты в журнале и редактировать их самостоятельно. Помимо этого, редакция согласилась выдать рекомендательные письма для работы в архивах, библиотеках и для проведения полевых исследований, а также предоставить место в своем архиве для собранных учеными материалов. “Для ситуации в 1981 г. это были фантастически благоприятные условия” (*Крупник* 2017: 289).

Связь между создаваемой комиссией и журналом, который был известен своей антисиионистской и антиизраильской позицией, могла рассматриваться только как эксперимент с неопределенным исходом. Обе стороны, надеясь извлечь из этого взаимодействия выгоду, шли на риск. ЕЭИК была заинтересована в легализации своих иудаистических исследований в противовес как официальному академическому, тематически ограниченному “востоковедению”, так и политизированной антисиионистской пропаганде (*Крупник* 2017: 289). Несмотря на имеющиеся разногласия, обе стороны преследовали одну цель: получить возможность знакомить с еврейскими проблемами общественность.

Фактическая деятельность: встречи, исследования и публикации комиссии

На первых трех публичных лекциях, организованных недавно созданной комиссией в помещениях редакции “Советиш геймланд” в начале 1982 г., слушатели

толпились даже в коридоре. С вводным докладом “Евреи Советского Союза” выступил Членов, а затем Крупник рассказал о задачах, стоящих перед комиссией (Крупник 2017: 291). В феврале 1982 г. с докладом выступил Крупник, а в марте слушателям были предложены лекции Велвла Чернина, историка Рашида Капланова и Марка Куповецкого. Эти мероприятия собрали пеструю публику: члены редакции сидели здесь рядом с деятелями независимого еврейского движения. Однако воспоминания Крупника о первом заседании в январе 1982 г. отражают также недоверие и даже некоторую враждебность по отношению к Вергелису. По словам Крупника, Вергелис произнес “сумбурную речь”, а затем немедленно удалился (Крупник 2017: 291).

В тот вечер Вергелис, пожалуй, мог испугаться, увидев, кого он привел в “свой дом”. Возможно, только тогда он начал осознавать, что на встрече с сотрудниками Академии наук ему открыли лишь часть правды о новой комиссии. То, что в редакции вообще могло быть проведено три тематических вечера, свидетельствует не только о настойчивом стремлении главного редактора омолодить кадры “Советиш геймланд”, но и о его мужестве. Перед третьим докладом на семинаре в марте Вергелис объявил о завершении публичных лекций, подчеркнув, что редакция не является клубом (Крупник 2017: 292). Тем не менее он сдержал свое обещание опубликовать тексты выступлений в своем журнале и предоставить рекомендательные письма⁷. В 1982 г. в “Советиш геймланд” были напечатаны статьи Членова и Крупника (Архив Ваада 1).

После “изгнания” из редакции комиссия собиралась, по словам Крупника, в рамках обычного ежемесячного “квартирного” семинара (Крупник 2017: 293). В этих условиях в начале 1983 г. ЕЭИК составила устав, определяющий ее как “творческое объединение авторов” для изучения этнографии и истории культуры еврейского населения в Советском Союзе. Свою основную задачу комиссия видела в “подготовке научных и научно-популярных статей и докладов, их обсуждении и рецензировании, содействии в публикации...”. В уставе подчеркивалась открытость комиссии для всех авторов независимо от их специальности или профессионального опыта — решающим фактором являлась научная ценность материала. Особый интерес представляли история и культурные традиции различных еврейских групп в Советском Союзе, а также историография и музееведение (Архив Ваада 1).

Таким образом, ЕЭИК превратилась в своего рода площадку, где происходил обмен знаниями и результатами исследований. На встречи в Москве регулярно приезжали члены-корреспонденты из других городов, таких как Ленинград, Львов, Симферополь, Тбилиси и Вильнюс. С годами среди членов комиссии все больше было тех, кто подал заявление на выезд; волна эмиграции 1987–1988 гг. фактически привела к завершению деятельности ЕЭИК.

В 1983 г. Географическое общество организовало новый цикл лекций “Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР”, в который были включены и отдельные иудаистические темы. В 1985 и 1987 гг. соответственно появились новые издания под эгидой Географического общества (Крупник 1985; Поспелов 1987; обширную библиографию см.: Крупник 2017: 328–336). Некоторые статьи членов комиссии и дальше публиковались в “Советиш геймланд”. В конце 1980-х годов в эпоху перестройки Крупник и Куповецкий наконец смогли опубликовать свои исследования о курдских евреях в СССР в ведущем этнологическом журнале “Советская этнография” (Крупник, Куповецкий 1988). Таким образом, Еврейской историко-этнографической комиссии удалось добиться научной гласности даже в условиях “квартирных” семинаров. Несмотря на полулегальное существование, ЕИЭК по возможности использовала существующие государственные структуры и влияла на советскую общественность.

На обочине: позиция членов Еврейской этнографической комиссии, работавших в Академии наук

В то время как в “Советиш геймланд” Членов и Крупник выступали гарантами серьезности совместного предприятия, в Институте этнографии АН СССР их позиции выглядели совершенно по-другому. Директор института Юлиан Бромлей был хорошо осведомлен о причастности Членова к независимому еврейскому движению. Когда в 1976 г. вышла клеветническая статья о преподавателях иврита, в т.ч. о Членове, Бромлей вызвал его к себе и сказал: “Ладно, Михал Анатольевич, давайте мы с вами так договоримся: если мне скажут, чтобы я вас гнал, я вас немедленно выгоню, а если ничего не скажут — работайте, я не против, но сами понимаете, будет немало сложностей” (*Кошаровский* б.г.; о преподавателях иврита начала 1970-х годов см.: *Престина* 2005: 221–278; *Kosharovsky* 2017).

Одним из внутренних противоречий Института этнографии было то, что он занимался изучением всех этнических групп на территории Советского Союза и за его пределами, за исключением одной — еврейской. В то же время многие его сотрудники сами были евреями. В анкетах работников академии графа “национальность” была заполнена, как и положено, в соответствии с паспортными данными. Внутренний отчет в связи с аттестацией института Московским городским комитетом компартии содержит списки сотрудников, из которых становится очевидно, что после русских евреи составляли наиболее многочисленную этническую группу в институте (АРАН 1: 31)⁸.

Благодаря своим научным публикациям и своей репутации ученого Членов действительно был в какой-то степени защищен, тем более что сам он никогда не подавал заявления на выезд (*Кошаровский* б.г.). Однако от возможных обысков и допросов в декабре 1976 г., в период подготовки симпозиума, Бромлей не смог бы его уберечь. Здесь Членова спасло решение советского руководства сначала разгромить политическое крыло еврейского движения, а ликвидацию “культурного” пока отложить. Тем не менее за неделю до симпозиума Членов предусмотрительно взял отпуск (по договоренности с Бромлеем). Таким образом, руководство института могло делать вид, что не знает о том, что Членов в это время находился под домашним арестом и что его вызывали на допросы. Однако отныне карьерный рост в институте для Членова был невозможен (*Членов* 2015: 91), поэтому до должности старшего научного сотрудника, на которую он мог претендовать исходя из своих научных достижений, его так и не повысили (АРАН 2: 35–37; АРАН 3).

В том, что заявка на выезд была “точкой невозврата”, Членов напрямую убедился весной 1981 г. на опыте своего коллеги и сподвижника по еврейскому независимому движению Анатолия Хазанова, который впоследствии также вошел в ЕИЭК. Уважаемый специалист по этноархеологии, древней и средневековой истории, сделавший себе имя и за границей публикациями о скифах и др., подал в 1980 г. документы на выезд в Израиль (*Хазанов* 1975). Будучи единственным в комиссии доктором наук, Хазанов имел все основания для того, чтобы занять пост председателя ЕИЭК, однако и в этом ему препятствовал его статус “отказника”. После подачи заявления на выезд ученый был понижен в должности в институте и вынужден был выполнять вспомогательную работу и заниматься сбором информации. Когда в апреле 1981 г. подошел срок его переизбрания на должность, в совете Института разгорелась ожесточенная дискуссия. Несмотря на научные заслуги Хазанова, руководство отдела отказалось утвердить его в качестве старшего научного сотрудника, посчитав заявку на выезд “антипатриотическим поступком”. В ответ на просьбу ученого оценивать исключительно его научные достижения, Бромлей поинтересовался: “Какую работу Вы сейчас ведете?”. Своим вопросом Бромлей поставил Хазанова в тупик. Ученому ничего не оставалось, как честно ответить: “Реферативную”.

Бромлей констатировал: “Т.е. не самостоятельную и не научную, не творческую”. И добавил: “Хочу еще раз подчеркнуть связь нашей науки с идеологией”. Членов, пытаясь защитить Хазанова, спросил, почему просьба о выезде считается антипатриотичной, если обоснована исключительно семейными и родственными причинами? Кроме того, он имел право подать заявление на выезд за границу, согласно подписанному СССР Хельсинкскому заключительному акту, и это не противоречило Конституции страны. Бромлей ответил на это безапелляционно: “Факт смены гражданства социалистического на капиталистическое, особенно на израильское, говорит сам за себя”. При последующем голосовании Хазанов не получил ни единого голоса: из 22 бюллетеней 20 было “против” и два недействительных, предположительно принадлежащих ему самому и Членову (АРАН 4: 43–46). Наконец в 1985 г. Хазанов смог выехать из страны; он был принят профессором социологии и социальной антропологии в Еврейский университет в Иерусалиме, где одним из направлений его исследований стало изучение крымчаков (*Khazanov* 1989).

Членов остался в институте и с годами доказал, что достигнутое им (а позднее и Крупником) соглашение с Бромлеем было не просто договоренностью между людьми, стремящимися сохранить отношения, оно опиралось на научные достижения. Несмотря на то что и Членов, и Крупник являлись сотрудниками отдела Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании, о путешествиях за границу, даже в социалистические страны, больше не могло быть и речи. Тем не менее в 1982 г. была опубликована работа о “Китовой аллее” (древнем культовом месте культуры Пунук, расположенном на Крайнем Севере на п-ве Чукотка), получившая признание не только в СССР, но и за границей (*Арутюнов и др.* 1982). Во время своих экспедиций на периферию оба исследователя должны были писать для государственных учреждений так наз. докладные записки о проблемах местного населения, а также составлять рекомендации по их преодолению. Эти записки учитывались как научные достижения и включались во внутриинститутские отчеты о проделанной работе как публикации, несмотря на то, что предназначались для внутреннего пользования и нигде не печатались⁹. Такое положение вещей привело, казалось бы, к парадоксальной ситуации, о которой Членов позднее говорил: “...я, с одной стороны, был нехорошим человеком и сионистом, за мной бегал КГБ”. Однако, с другой стороны, во время поездок на Чукотку и в Магадан его (и Крупника) встречали местные руководители, которые просили экспертов из столицы отразить какие-то моменты в “записках” и дать рекомендации (*Членов* 2015: 73). Подобная смена ролей в центре и на периферии — феномен, характеризующий поздний Советский Союз как империю.

К этой противоречивости и правилам игры в период “развитого социализма” можно отнести и тот факт, что Членов в своем отчете о проделанной работе в конце 1983 г. указал статьи, опубликованные во время его сотрудничества с ЕИЭК, хотя на тот момент комиссия уже давно функционировала в рамках “квартирных” семинаров. В этом же отчете в графе “общественная работа” Членов вызывающе упомянул: «...являюсь научным куратором еврейской историко-этнографической комиссии при журнале “Советиш геймланд”» (НА ИЭА 2: 93). К своим публикациям он также причислил неопубликованные разработки по неизученным в то время еврейским коллекциям музеев Ленинграда и Грузии¹⁰. Тем не менее в эти годы у Членова была возможность изучать наследие Еврейского этнографического общества (предтечи комиссии начала XX в.) в библиотеках и архивах Ленинграда. Этим вопросом он начал заниматься в 1982 г. во время официальных командировок, целью которых была работа над “плановыми темами”, хотя к исследованию северных народов собираемые ученым материалы не имели никакого отношения (АРАН 5, АРАН 6, АРАН 7). В Этнографическом музее Членов предъявил рекомендательные письма от “Советиш геймланд”, которые открыли ему доступ к еврейским коллекциям. В противном случае, учитывая область его исследований (коренные народы Севера),

эти фонды были бы для него недоступны¹¹. В таком лавировании и умелом обыгрывании различных институциональных логик и проявлялось расширение возможностей в условиях позднесоветского периода: соблюдая правила игры, можно было добиться того, что поначалу казалось недостижимым (*Yurchak* 2006). Бромлей тоже играл по этим правилам: в своем отчете о “выполнении плана” (в части, касающейся популяризации научных знаний) он перечислил статьи Крупника и Членова, вышедшие в “Советиш геймланд”, несмотря на то что иудаистические исследования официально в институте не велись (АРАН 8: 58).

* * *

Еврейская историко-этнографическая комиссия прекратила свое существование в 1988 г. в связи с отъездом за границу многих ее членов. В то же время в условиях перестройки возникли новые возможности, которые привели к открытию различных иудаистических научно-исследовательских институций. Так, Членов принял участие в организации Государственной классической еврейской академии им. Маймонида в Москве, где он занял должность профессора иудаики и гебраистики; в 2002 г. на учредительном съезде Евро-Азиатского еврейского конгресса в Москве он был избран его генеральным секретарем. Куповецкий стал профессором и директором Центра библеистики и иудаики в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), основанном в 1991 г. в Москве. Таким образом, деятельность комиссии послужила своего рода основой для новых структур, возникших после распада Советского Союза.

Однако более поздние успехи членов ЕИЭК мешают оценке ее роли в развитии иудаики в условиях первой половины 1980-х годов. Был ли стакан наполовину пуст, поскольку всего через несколько месяцев работы в помещениях редакции “Советиш геймланд” комиссию вынудили вновь собираться на частных квартирах? Или же он был наполовину полон, потому что благодаря рекомендательным письмам “Советиш геймланд” ЕИЭК смогла обеспечить своим сподвижникам доступ к архивам и возможности для публикации? Или же в этих встречах в гостинных частных квартир и вовсе можно усмотреть (разумеется, при других обстоятельствах и условиях) параллель феномену партиципаторных исторических исследований, который примерно в это же время возникает в ФРГ с распространением исторических мастерских, занимавшихся изучением “забытых” вопросов, находившихся за пределами основных исследовательских направлений университетов (*Wüstenberg* 2009)?

Можно сделать вывод, что деятельность Еврейской этнографической комиссии происходила как бы вне советской действительности, но одновременно была ее неотъемлемой частью. ЕИЭК не создавала иной альтернативной общественности, как и до нее, была лишь дихотомия “государство — диссидентское независимое еврейское движение”. Напротив, члены комиссии знали, как использовать в своих целях внутреннюю логику функционирования различных учреждений или противоречия, существовавшие между ними. Руководителям ЕИЭК удалось создать условия для самостоятельной легальной научной деятельности в сфере иудаики там, где изначально никто не мог и предполагать: в неустойчивом треугольнике взаимоотношений, в котором все стороны постоянно находились в поиске баланса — независимое еврейское движение, журнал “Советиш геймланд” (в его сложном лавировании между пропагандистскими запросами и позиционированием себя в качестве лазейки для публикации еврейских тем) и Академия наук (где официально не велись иудаистические исследования).

Для этого всем сторонам было необходимо преодолеть стереотипы, развеять образ врага и увидеть общие интересы. Так “Советиш геймланд” и его редакторы

надеялись привлечь молодых авторов и расширить читательскую аудиторию; представители независимого еврейского движения — получить путем различных соглашений новые институциональные возможности; а этнологи ИЭ АН СССР Членов и Крупник — добиться в своем институте *modus vivendi*, которое позволяло бы заниматься вопросами иудаики в рамках “плановых тем”.

Еврейская историко-этнографическая комиссия — это продукт своего поколения; ее активисты родились в 1940–1950-х годах и научились играть “по советским правилам” (см.: *Yurchak* 2006): с одной стороны, делая то, что от них требовалось, с другой — наполняя эти действия собственным содержанием (как, например, Членов, представлявший свою деятельность в комиссии “общественной работой”). Однако не случайно именно с научными кругами связано возникновение в условиях позднесоветского социализма такой сложной сети, как ЕИЭК, где совершенно разные субъекты смогли привести свои интересы к общему знаменателю. Так, в столкновении интересов “квартирных” семинаров и публикуемых академических работ (или, как в случае с “Советиш геймланд”, научно-популярных статей) зародился дискурс о евреях и их активном присутствии в советской действительности (*Kotomir* 2010: 55). Именно в области иудаистических исследований удалось добиться того, что на протяжении многих лет требовали и за что боролись советские правозащитники: создания открытого публичного диалога. “Это, может быть, параллельная наука, но не официальная”¹², — подытожил Куповецкий, говоря о работе Еврейской историко-этнографической комиссии.

Пер. с нем. Л.А. Финченко

Примечания

* Данная статья была первоначально подготовлена под названием “Parallele Wissenschaft. Die Jüdische Historisch-Ethnographische Kommission und Judaistik in der späten Sowjetunion” для публикации на немецком языке в издании “Jahrbuch des Dubnow-Instituts/Dubnow Institute Yearbook” (№ XVIII, 2019).

¹ По сообщению последнего оставшегося в живых редактора газеты “Советиш геймланд” Софьи Черняк (ПМА: интервью с С. Черняк, 14.09.2017), документы редакции были выброшены после сдачи помещения частной компании в начале 1990-х годов.

² Нельзя документально подтвердить тот факт, что с “паспортом еврея” становилось все труднее поступать в ведущие университеты страны. Об этом можно судить из биографий пострадавших. Как и в случае других “шепетильных” установок, которые не должны были стать известны общественности (особенно на Западе), государственное и партийное руководство избегало письменных инструкций.

³ Ульпан — центр интенсивного изучения иврита и еврейской культуры (*Примеч. ред.*).

⁴ Алия (“Восхождение”) — репатриация евреев на историческую родину — в Израиль (*Примеч. ред.*).

⁵ В документе прямо выражена просьба отнестись с пониманием к тому, что не все участники могут быть названы своими подлинными именами. Доклад М. Членова появился под псевдонимом М. Зубин (*Зубин* 1978).

⁶ Хотя Членов участвовал в подготовке симпозиума 1976 г., он сознательно не вошел в оргкомитет и не присутствовал на встрече с Вергелисом в 1976 г., так что у Вергелиса фактически не было причин ассоциировать его с национальным еврейским движением (ПМА: интервью с М. Членовым, 06.09.2017).

⁷ См., напр., факсимиле официального рекомендательного письма Крупнику как автору журнала “Советиш геймланд” во время его поездки в Азербайджан осенью 1983 г. (*Крупник* 2017: 360).

⁸ Согласно этим данным, среди старших научных сотрудников было 49 русских, 12 евреев, 2 армянина, 2 украинца, 1 узбек и др.

⁹ Докладная записка Крупника “О ходе языкового строительства среди азиатских эскимосов Чукотского автономного округа” (НА ИЭА I: 78), а также Докладная записка Богослов-

ской и Крупника в СМ РСФСР “О состоянии и перспективах развития морского зверобойного промысла на Чукотке” (НА ИЭА 2: 92). Крупник также упоминает в своем списке публикаций статью 1982 г. в “Советиш геймланд” (НА ИЭА 3).

¹⁰ Так, Членов перечислил в графе “научно-популярная работа” статью “Евреи в Советском Союзе”, вышедшую в “Советиш геймланд”, рукописи, среди которых были и обзоры еврейских коллекций различных этнографических музеев, а также неопубликованную работу “Проблемы этногенеза караимов” (в документе как “реферат по проблеме этногенеза караимов”. — *Примеч. У.Х.*) (НА ИЭА 2: 90, 92).

¹¹ ПМА: интервью с М. Членовым, 06.09.2017.

¹² ПМА: интервью с М. Куповецким, 11.09.2017.

Источники и материалы

Адреса 1978 — Адреса, на которые были направлены приглашения на Симпозиум по еврейской культуре // Еврейский самиздат. Jewish Samizdat. 1978. № 15. С. 32.

АРАН 1 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1447. Справка по истории и деятельности института, подготовленная для комиссии МГК КПСС по проверке деятельности Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1984.

АРАН 2 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1347. Л. 34–40. Протокол заседания Ученого совета № 5 от 27.04.1982.

АРАН 3 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1448. Л. 123–128. Протокол заседания Ученого совета № 14 от 18.12.1984.

АРАН 4 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1292. Л. 43–48. Протокол заседания Ученого совета Института этнографии № 6 от 14.04.1981.

АРАН 5 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1345. Л. 7. Приказ № 1252-7 от 15.1.1982 о командировке М.А. Членова в Ленинград с 21.01 по 05.02.1982.

АРАН 6 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1345. Л. 47. Приказ № 1252-54 от 30.03.1982 о командировке М.А. Членова в Ленинград с 06.04 по 17.04.1982.

АРАН 7 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1345. Л. 82. Приказ № 1252-91 от 26.04.1982 о продлении командировки М.А. Членова в Ленинграде на неделю с 17.04 по 24.04.1982 за подписью директора Музея этнографии народов СССР Баранова И.И.

АРАН 8 — Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 11. Д. 1350. Л. 1–79. Отчет Ю.В. Бромлея и А.Е. Тер-Саркисянц о выполнении плана научно-исследовательской работы Института им. Миклухо-Маклая АН СССР за 1982 г.

Архив Ваада 1 — Архив Ваада России. Папка “Еврейско-историческая комиссия”. Статьи и материалы. Положение, 30.01.1983.

Выдержки 1978 — Выдержки из переписки с государственными учреждениями // Еврейский самиздат. Jewish Samizdat. 1978. № 15. С. 32–33.

Зеленина Г. (ред.) Иудаика два. Ренессанс в лицах. М.: Книжники, 2015.

Зубин М. [Членов М.А.] Некоторые перспективы развития еврейской национальной культуры в СССР // Еврейский Самиздат. Jewish Samizdat. 1978. № 15. С. 222–234.

Иванов Ю.С. Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. М.: Политиздат, 1969.

Кошаровский б.г. — Кошаровский Ю. Михаил Членов [интервью взято 31.01.2004 и позднее неоднократно дополнено] // Юлий Кошаровский. <http://kosharovsky.com/интервью/михаил-членов> (дата обращения: 08.03.2018).

Куповецкий М.С. “Я как был романтиком, так и остался” // Иудаика два. Ренессанс в лицах / Ред. Г. Зеленина. М.: Книжники, 2015. С. 183–220.

НА ИЭА 1 — НА ИЭА. Личное дело М.А. Членова [без подписи]. Л. 77–80. Отчет о проделанной работе за период с ноября 1976 по декабрь 1979 г.

НА ИЭА 2 — НА ИЭА. Личное дело М.А. Членова [без подписи]. Л. 89–93. Отчет о проделанной работе за период с декабря 1979 по декабрь 1982 г., 10.12.1983.

НА ИЭА 3 — НА ИЭА. Личное дело И.И. Крупника [без подписи].

Оргкомитет 1978 — Организационный комитет // Еврейский самиздат. Jewish Samizdat. 1978. № 15. С. 20.

ПМА — Полевые материалы автора. Г. Москва, сентябрь 2017 г.

Хроника 1978 — Хроника // Еврейский самиздат. Jewish Samizdat. 1978. № 15. С. 5–15.

- Членов М.А. “Меня всегда привлекала экзотика” // Иудаика два. Ренессанс в лицах / Ред. Г. Зеленина. М.: Книжники, 2015. С. 65–96.
- Членов М.А. Доклад на гуманитарном еврейском семинаре на квартире Ф. Канделя в декабре 1975 г. // Кляль Израэль. Еврейская этничность и национализм в прошлом и настоящем: к тридцатилетию Московского симпозиума “Еврейская культура в СССР”, декабрь 1976 г. / Ред. М.А. Членов, А.К. Федорчук. М.: Меморис, 2007. С. 53–68.

Научная литература

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. Китовая аллея: древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982.
- Крупник И.И. Как мы занимались историей... и этнографией: к 35-летию Еврейской историко-этнографической комиссии, 1981–1990 гг. // Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / Отв. ред. М. Куповецкий. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2017. С. 286–360.
- Крупник И.И., Куповецкий М.С. Лахлухи — курдистанские евреи в СССР // Советская этнография. 1988. № 2. С. 102–111.
- Крупник И.И. (ред.) Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР: география расселения и культурные традиции. М.: Географическое общество СССР, 1985.
- Крупник И.И. Проблемы этнографического изучения евреев в СССР: восемь лет спустя (1982–1989) // Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога / Отв. ред. И.И. Крупник. М.: Еврейское историческое общество, 1992. С. 28–40.
- Куповецкий М.С. (ред.) Советская иудаика: история, проблематика, персоналии. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2017.
- Куповецкий М.С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР / Отв. ред. И.И. Крупник. М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1983. С. 75–93.
- Поспелов Е.М. (ред.) Этнические группы в городах Европейской части СССР. Формирование, расселение, динамика культуры. М.: МФГО, 1987.
- Престина Л.Ф. Словарь запрещенного языка. К 125-летию Ф.Л. Шапира. Минск: МЕТ, 2005.
- Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975.
- Чарный С. Позднесоветская и постсоветская иудаика // Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2 / Отв. ред. Р.М. Капланов. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 133–162.
- Чернин В.Ю. О появлении этнонима “крымчак” и понятия “крымчакский язык” // География и культура этнографических групп татар в СССР / Отв. ред. И.И. Крупник. М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1983. С. 93–104.
- Beckerman G. When They Come for Us, We'll Be Gone: The Epic Struggle to Save Soviet Jewry. Boston: Mariner Books, 2010.
- Blady K. Jewish Communities in Exotic Places. Northvale: Jason Aronson, 2000.
- Chlenov M.A. Yidn in der sovetnfarband // Sovetish Heimland. 1982. H. 7. S. 99–103.
- Eichwede W. “Entspannung mit menschlichem Antlitz”. KSZE, Menschenrechte und Samizdat // Osteuropa. 2010. H. 11. N. 60. S. 59–83.
- Estraikh G. The Portrayal of Palestinian Arabs in the Moscow Yiddish Monthly “Sovetish Heymland” // Jews, Muslims, and Mass Media. Mediating the “Other” / Eds. T. Parfitt, Yu. Egorova. L.: RoutledgeCurzon, 2004. P. 133–143.
- Estraikh G. Yiddish in the Cold War. L.: Routledge, 2008.
- Khazanov A. The Krymchaks: A Vanishing Group in the Soviet Union: To the Memory of L.I. Kaia. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1989.
- Komaromi A. Jenseits von Gutenberg. Die Dynamik der dissidentischen // Osteuropa. 2010. H. 11. N. 60. S. 43–57.
- Kosharovskiy Y. “We are Jews Again”: Jewish Activism in the Soviet Union. N.Y.: Syracuse, 2017.
- Krupnik I.I. Problemen fun étnografisher forschung ba di idn in FSSR // Sovetish Heimland. 1982. H. 8. S. 137–145.
- Kupovetsky M. Aron Vergelis: Survivor of the Destruction of Soviet Yiddish Culture, 1949–1953 // Jews in Russia and Eastern Europe. 2007. No. 1 (58). P. 40–94.

- Mochalova V.* Jewish Studies in Russia in the Post-Communist Era // *Journal of Modern Jewish Studies*. 2011. No. 1 (10). P. 119–133.
- Nathans B.* Talking Fish: On Soviet Dissident Memoirs // *Journal of Modern History*. 2015. No. 87. P. 579–614.
- Nathans B., Platt K.* Socialist in Form, Indeterminate in Content: The Ins and Outs of Late Soviet Culture // *Ab Imperio*. 2011. No. 2. P. 301–324.
- Shcharansky A.* Fear No Evil: The Classic Memoir of One Man's Triumph Over a Police State. N.Y.: 1998.
- Uehling G.* Beyond Memory: The Crimean Tatars' Deportation and Return. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.
- Veidlinger J.* (ed.) *Going to the People: Jews and the Ethnographic Impulse*. Bloomington: Indiana University Press, 2016.
- von Saal Y.* KSZE-Prozess und Perestroika in der Sowjetunion. Demokratisierung, Werteumbruch und Auflösung 1985–1991. München: Walter de Gruyter, 2014.
- Wüstenberg J.* Vom alternativen Laden zum Dienstleistungsbetrieb: The Berliner Geschichtswerkstatt — A Case Study in Activist Memory Politics // *German Studies Review*. 2009. N. 3 (32). S. 590–618.
- Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Research Article

Huhn, U. A Parallel Science? The Jewish Historical-Ethnographic Commission and Jewish Studies during the Late Soviet Period [Parallel'naia nauka? Evreiskaia istoriko-etnograficheskaiia komissii i iudaika v pozdnesovetskii period]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 2, pp. 166–182. <https://doi.org/10.31857/S086954150005288-6> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ulrike Huhn | <http://orcid.org/0000-0003-1752-4073> | ulrike.huhn@uni-bremen.de | University Bremen (Klagenfurter Str. 8, 28359, Bremen, Germany)

Keywords

Soviet Union, Judaica, Jewish studies, Jewish emigration, Human Rights movement, history of ethnography, perestroika

Abstract

After years of difficult conditions for Jewish Studies in the Soviet Union, a new Jewish Historical-Ethnographic Commission was founded in 1982. It was a daring undertaking, especially taking into account the fact that some of its members had applied for emigration to Israel and took part in the independent Jewish movement. However, other founding members were reputable colleagues of the Institute of Ethnography, the Soviet Academy of Sciences, who, in addition to their work for the Jewish commission, did research on other ethnographic subjects. In 1982, the Commission convinced the only Yiddish-language Soviet journal “Sovetish Heymland” to launch a special section on Jewish ethnography. “Sovetish Heymland” was originally meant to propagate USSR's liberal attitude towards its Jews and thus to serve as a Soviet soft power tool. Despite the distrust of, and surveillance by, the state, Jewish commission's members of the Jewish movement used the state's official structures, such as “Sovetish Heymland” and the Academy of Sciences, to recover the heritage of its predecessor in archives and museums and to conduct field research in remote areas of the Soviet Union. In doing so, it served both as a platform for exchange and as a starting point for some future professionals in Jewish studies.

References

- Arutyunov, S.A., I.I. Krupnik, and M.A. Chlenov. 1982. *Kitovaia alleia: drevnosti ostrovov proлива Seniavina* [Whalebone Alley: The Antiquities of the Seniavin Strait Islands]. Moscow: Nauka.

- Beckerman, G. 2010. *When They Come for Us, We'll Be Gone: The Epic Struggle to Save Soviet Jewry*. Boston: Mariner Books.
- Blady, K. 2000. *Jewish Communities in Exotic Places*. Northvale: Jason Aronson.
- Charny, S. 2004. Pozdnesovetskaia i postsovetskaia iudaika [Late Soviet and Post-Soviet Jewish Studies]. In *Materialy Odinnadtsatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaika* [Proceedings of the Eleventh Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies], edited by R.M. Kaplanov, 2: 133–162. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Chernin, V.Yu. 1983. O poiaвлении etnonima “krymchak” i poniatiiia “krymchakskii iazyk”. In *Geografiia i kul'tura etnograficheskikh grupp tatar v SSSR* [Geography and Culture of Tatar Ethnographic Groups in USSR], edited by I.I. Krupnik, 93–104. Moscow: Moskovskii filial Geograficheskogo obshchestva SSSR.
- Chlenov, M.A. 1982. Yidn in der sovetnfarband [Jews in the Soviet Union]. In *Sovetish Heymland* 7: 99–103.
- Eichwede, W. 2010. “Entspannung mit menschlichem Antlitz”. KSZE, Menschenrechte und Samizdat [“Detente with a Human Face”. CSCE, Human Rights and Samizdat]. *Osteuropa* 11 (60): 59–83.
- Estraikh, G. 2004. The Portrayal of Palestinian Arabs in the Moscow Yiddish Monthly “Sovetish Heymland”. In *Jews, Muslims, and Mass Media: Mediating the “Other”*, edited by T. Parfitt and Yu. Egorova, 133–143. London: RoutledgeCurzon.
- Estraikh, G. 2008. *Yiddish in the Cold War*. London: Routledge.
- Khazanov, A. 1989. *The Krymchaks. A Vanishing Group in the Soviet Union: To the Memory of L.I. Kaia*. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem.
- Khazanov, A.M. 1975. *Sotsial'naia istoriia skifov. Osnovnye problemy razvitiia drevnikh kochevnikov evraziiskikh stepei* [Social History of the Scythians. Main Problems of the Development of Ancient Nomads in the Eurasian Steppe]. Moscow: Nauka.
- Komaromi, A. 2010. Jenseits von Gutenberg. Die Dynamik der dissidentischen Öffentlichkeit [Beyond Gutenberg. The Dynamic of the Dissident Public]. *Osteuropa* 11 (60): 43–57.
- Kosharovskiy, Y. 2017. “We Are Jews Again”: Jewish Activism in the Soviet Union. New York: Syracuse.
- Krupnik, I.I. 1982. Problemen fun étnografišer foršung ba di idn in FSSR [Problems of Ethnographic Research of Jews in USSR]. *Sovetish Heymland* 8: 137–145.
- Krupnik, I.I., ed. 1985. *Malye i dispersnye etnicheskie gruppy v Evropeiskoi chasti SSSR: geografiia raseleniia i kul'turnye traditsii* [Small and Disperse Ethnic groups in the European part of USSR: Geography, Settlement and Cultural Traditions]. Moscow: Geograficheskoe obshchestvo SSSR.
- Krupnik, I.I. 1992. Problemy etnograficheskogo izucheniia evreev v SSSR: vosem' let spustia (1982–1989) [Problems of Ethnographic Research of Jews in the Soviet Union: Eight Years Later (1982–1989)]. In *Istoricheskie sud'by evreev v Rossii i SSSR: nachalo dialoga* [Historical Fates of Jews in Russia and the Soviet Union: Beginning of a Dialogue], edited by I.I. Krupnik, 28–40. Moscow: Evreiskoe istoricheskoe obshchestvo.
- Krupnik, I.I. 2017. Kak my zanimalis' istoriei... i etnografiei: k 35-letiiu Evreiskoi istoriko-etnograficheskoi komissii, 1981–1990 gg. [How We Practiced History... and Ethnography: To the 35th Anniversary of the Jewish Historical and Ethnographic Commission, 1981–1990]. In *Sovetskaia iudaika: istoriia, problematika, personalii* [Soviet Judaica: History, Problems, Persons], edited by M. Kupovetskii, 286–360. Jerusalem; Moscow: Geshtarim; Mosty kul'tury.
- Krupnik, I.I., and M.S. Kupovetskii. 1988. Lakhlukhi — kurdistskie evrei v SSSR [Lakhlukhi — Kurdistan Jews in the Soviet Union]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 102–111.
- Kupovetskii, M.S., ed. 2017. *Sovetskaia iudaika: istoriia, problematika, personalii* [Soviet Judaica: History, Problems, Persons]. Jerusalem; Moscow: Geshtarim; Mosty kul'tury.
- Kupovetskii, M.S. 1983. Dinamika chislennosti i rasselenie karaimov i krymchakov za poslednie dvesti let [Dynamics of Population and Settlement of Karaites and Krymchak in the last 200 years]. In *Geografiia i kul'tura etnograficheskikh grupp tatar v SSSR* [Geography and Culture of Tatar Ethnographic Groups in USSR], edited by I.I. Krupnik, 75–93. Moscow: Moskovskii filial Geograficheskogo obshchestva SSSR.
- Kupovetsky, M. 2007. Aron Vergelis: Survivor of the Destruction of Soviet Yiddish Culture, 1949–1953. *Jews in Russia and Eastern Europe* 1: 40–94.
- Mochalova, V. 2011. Jewish Studies in Russia in the Post-Communist Era. *Journal of Modern Jewish Studies* 1: 119–133.
- Nathans, B. 2015. Talking Fish: On Soviet Dissident Memoirs. *Journal of Modern History* 87: 579–614.

- Nathans, B., and K. Platt. 2011. Socialist in Form, Indeterminate in Content: The Ins and Outs of Late Soviet Culture. *Ab Imperio* 2: 301–324.
- Pospelov, E.M., ed. 1987. *Etnicheskie gruppy v gorodakh Evropeiskoi chasti SSSR. Formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury* [Ethnic groups in the Cities of the European Part of USSR. Formation, Settlement, Cultural Dynamics]. Moscow: MFGO.
- Prestina, L.F. 2005. *Slovar' zapreshchennogo yazyka. K 125-letiiu F.L. Shapiro* [Dictionary of a forbidden language]. Minsk: MET.
- Shcharansky, A. 1998. *Fear No Evil. The Classic Memoir of One Man's Triumph over a Police State*. New York.
- Uehling, G. 2004. *Beyond Memory. The Crimean Tatars' Deportation and Return*. New York: Palgrave Macmillan.
- Veidlinger, J., ed. 2016. *Going to the People. Jews and the Ethnographic Impulse*. Bloomington: Indiana University Press.
- von Saal, Y. 2014. *KSZE-Prozess und Perestroika in der Sowjetunion. Demokratisierung, Werteumbruch und Auflösung 1985–1991* [CSCE and Perestroika in the Soviet Union. Democratization, Upheaval of Values and Dissolution 1985–1991]. München: Walter de Gruyter.
- Wüstenberg, J. 2009. Vom alternativen Laden zum Dienstleistungsbetrieb: The Berliner Geschichtswerkstatt — A Case Study in Activist Memory Politics. *German Studies Review* 3: 590–618.
- Yurchak, A. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press.